

Он легко прижал хрупкого молодого человека к себе, держа его в своих руках. Но иногда, когда Цзян Чэн доводил его до предела, Гу Шэн яростно сопротивлялся, хотя это сопротивление в глазах Цзян Чэна было слабым и беспомощным.

Позже Гу Шэн стал сопротивляться пассивно, и Цзян Чэн решил, что тот сдался, наслаждался этим несколько дней, но потом почувствовал, что что-то не так.

Гу Шэн никогда не смотрел на него прямо, только избегал и терпел, скрывая гнев.

Цзян Чэн, когда Гу Шэн был в полубессознательном состоянии, с сожалением погладил его острый подбородок и сказал:

— Смотри, если бы ты раньше слушался, не пришлось бы страдать. В Цзиньчжоу нет ничего, чего бы я не мог получить.

Гу Шэн медленно отвел глаза, его взгляд был пустым и рассеянным.

Когда он смотрел в сторону, его лицо становилось невероятно хрупким, как будто он мог рассыпаться от одного прикосновения. Это зрелище сжимало сердце. Цзян Чэну не нравилось это выражение, эта пустота в его красивых глазах заставляла его чувствовать, будто он сделал что-то не так.

Конечно, он не сделал ничего плохого. Просто Гу Шэн был непослушным и не знал своего места.

Цзян Чэн прикрыл его глаза рукой и снова вошёл в его худое и тёплое тело.

На рассвете, когда Цзян Чэн выпустил свою избыточную энергию, он отнёс полубессознательного человека в ванную. Вернувшись после душа, он вытирал волосы и увидел, что Гу Шэн слегка приоткрыл глаза, лежа на боку.

На его щеках остались следы от пальцев Цзян Чэна, опухшие и с кровоподтёками, что резко контрастировало с его бледной кожей. Цзян Чэн раньше в штабе командования в гневе мог закатать рукава и дать пощёчину подчинённым, и даже эти крепкие офицеры падали от его ударов. Тогда он был в ярости, но сейчас сам удивлялся, как смог так жёстко ударить.

Гу Шэн полуоткрыл глаза, его профиль всё ещё был красивым, но лицо было слишком бледным, щёки слегка впали, и зубы дрожали, как будто от холода.

Цзян Чэн встал на одно колено на кровати, повернул лицо Гу Шэна к себе. Тот попытался вырваться, но Цзян Чэн сдержался и не стал настаивать, сказав спокойно:

— Дай я посмотрю.

Гу Шэн изо всех сил поднял руку, чтобы оттолкнуть его:

— Я сплю.

Он так сильно сопротивлялся, что теперь его руки были слабыми. Цзян Чэн взял его тонкое запястье и убрал руку обратно под одеяло, затем встал и посмотрел на него:

— Подожди.

Через некоторое время Цзян Чэн быстро поднялся наверх, шагнул на кровать и встал на

колени над Гу Шэном. Тот резко открыл глаза, его стеклянные глаза в слабом свете спальни светились пугающе. Он почти с яростью крикнул:

— Убирайся!.. Ты хочешь ещё ударить?!

Его лицо на мгновение исказилось, и Цзян Чэн явно почувствовал ненависть, которая, как электрический разряд, пронзила его сердце. Какое-то незнакомое, но откровенно неприятное чувство раскаяния ударило в голову, заставив его дыхание прерваться, и он остановился, открывая крышку коробки.

Крик Гу Шэна, казалось, истощил все его силы, и он снова закрыл глаза, медленно выдохнул и отвернулся. Неожиданно Цзян Чэн не стал сразу скандалить и что-то швырять, а что-то холодное медленно коснулось его щеки.

— Это подарок от адъютанта, приветствие по возвращении в страну. Говорят, помогает при ушибах и ожогах, — Цзян Чэн осторожно выскрёб немного мази из коробочки размером с полюань и как можно легче нанёс её на лицо Гу Шэна.

Он посмотрел на свои грубые пальцы, покрытые мозолями от оружия, и понял, что они не подходят для прикосновения к такой нежной коже, поэтому использовал костяшку указательного пальца, чтобы аккуратно распределить мазь.

Только теперь он заметил, что Гу Шэн был невероятно нежен, его кожа была белой и прозрачной, как у избалованного молодого господина, к которому нельзя было прикасаться. Но когда Гу Шэн говорил с холодным и бесстрастным выражением лица, в нём не было и намёка на слабость.

Через некоторое время, когда Цзян Чэн уже устал стоять на коленях, он убрал коробочку с мазью, сел рядом с Гу Шэном и сказал:

— Спи, завтра я отправлю тебя обратно в труппу.

Цзян Чэн лёг и попытался обнять его, но Гу Шэн почти инстинктивно повернулся к нему спиной.

Цзян Чэн, который уже начал засыпать, после этого не смог уснуть.

— Ты раньше говорил мне об этом, я тоже думал, — Цзян Чэн сказал, глядя в потолок, на котором отражался слабый свет, и машинально поглаживая спину Гу Шэна. — «У богатых — мясо и вино, у бедных — кости и смерть», так в старину говорили, верно? Но смотри, в каждом веке есть богатые, есть мясо и вино, есть мёртвые, есть кости. Я родился в генеральской семье, и я занимаюсь этим. Те, кто умирают от голода или холода, мне не под силу, я не могу заботиться обо всех, верно?

Он сам себе многое наговорил, в конце даже почувствовал, что это звучит разумно, повернулся, чтобы посмотреть на выражение лица собеседника, но тот лежал спиной, не реагируя.

— Эх, я грубый человек, все эти «верность, добродетель, справедливость, вера» и прочие учёные штучки я давно забыл, ещё в детстве, — Цзян Чэн продолжал бормотать, легонько похлопывая Гу Шэна по спине. — В наше время выжить сложно, кто думает о таком... Ты раньше учился? Ха... Не говори, когда ты стоял у двери кабинета, я чуть не подумал, что какой-то молодой господин пришёл портить настроение...

Он действительно засыпал, смутно помня, как повернулся и обнял Гу Шэна, продолжая бормотать что-то бессвязное.

В темноте Гу Шэн, лежащий на боку, медленно открыл глаза. Тяжёлые тёмные шторы пропускали слабый свет, его взгляд застыл в пустоте, как будто он прислушивался к звукам ранних крестьян, проезжающих по сухим веткам.

(2)

Недвижимость Цзян Чэна в пригороде находилась в пяти-шести ли от Лиюаня, между ними были поля, питомники, городской ров, концессии и новые улицы. Хотя прямой дороги не было, добраться было несложно.

Уже рассвело, Гу Шэн посмотрел на солнце, пересек ров и, сделав несколько поворотов, вошёл в узкий переулок.

Этот переулок находился рядом с районом концессий, полным огней и веселья, но сам был настоящим трущобным кварталом. Низкие здания, построенные в стиле сыхэюань, прятались за фасадами маленьких европейских домов, даже в полдень солнечный свет не проникал сюда. Облупившиеся стены и черепица никем не ремонтировались, просто гнили на месте, повсюду была плесень; водостоки не чистились, и во время дождя весь двор заливало водой, наполняясь запахом старой грязи. Окна и двери были деревянными, с решётками, заклеенными старыми газетами и афишами кабаре, которые скрипели на ветру.

— Иии...

Гу Шэн как можно тише открыл ворота, но ржавые петли всё равно издали противный скрип. Женщины, стиравшие бельё и болтавшие во дворе, обернулись и увидели, как вошедший быстро направился в одну из боковых комнат.

— А? Это Мэйсян? Младший пришёл?

— Тётя Гуань, вы ослепли? Это же старший!

— Ох, эта Мэйсян, какая тяжёлая судьба. Бежала сюда от бедствий, двое сыновей стали знаменитостями, а сама заболела, рядом только маленькая девочка, как она живёт?

— Эх, говорят, что не свои дети не такие близкие, но у Мэйсян один ушёл, а приёмный оказался очень заботливым, время от времени приходит проведать, а родной сын и не появляется...

— Эй, вы не слышали? Старший тоже не подарок, это же он связался с младшим господином Цзяном, недавно весь город говорил.

— Эй! Сяо Фан, ты опять сплетничаешь, Гу Шэн каждый раз приходит, он не такой.

— Пф! Я говорю, что мужчины, которые выставляют себя на показ на сцене, это не дело. Смотри, Гу Шэн перед нами такой, а кто знает, как он залез в постель к господину Цзяну?